

Жаглова Татьяна Михайловна, Толкачев Дмитрий Вячеславович, Скибин Сергей Михайлович
"МОРСКАЯ" ТЕМАТИКА В ПОЭЗИИ К. Р.

Статья посвящена изучению "морской" тематики в лирической поэзии К. Р. (Великого князя Константина Романова), представленной в пейзажных стихотворениях цикла "У берегов". "Маринистические" стихотворения поэта рассматриваются в свете современных концепций художественной циклизации, актуальных для поэзии конца XIX - начала XX века; объектом анализа в работе становится пространственно-временная, идейно-тематическая и образная структуры наиболее значимых стихотворений цикла "У берегов", в которых сюжетообразующим становится образ моря. Литературный контекст исследования образован главным образом лирикой раннего периода творчества К. Р. (1883-1887 гг.), отражающей особенности символического, философского, религиозного воплощения в творчестве поэта концептов "море" и "жизнь".

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/12-3/17.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 12(54): в 4-х ч. Ч. III. С. 70-75. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/12-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

13. **Haroche S.** Nobel Lecture: Controlling Photons in a Box and Exploring the Quantum to Classical Boundary [Электронный ресурс]. URL: http://www.nobelprize.org/nobel_prizes/physics/laureates/2012/haroche-lecture.html (дата обращения: 27.06.2015).
14. **Hell S. W.** Banquet Speech [Электронный ресурс]. URL: http://www.nobelprize.org/nobel_prizes/chemistry/laureates/2014/hell-speech_en.html (дата обращения: 27.06.2015).
15. **Nakamura S.** Banquet Speech [Электронный ресурс]. URL: http://www.nobelprize.org/nobel_prizes/physics/laureates/2014/nakamura-speech.html (дата обращения: 27.06.2015).
16. **Nobelprize.org. The Official Web Site of the Nobel Prize** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nobelprize.org> (дата обращения: 27.06.2015).
17. **O'Keefe J.** Nobel Lecture: Spatial Cells in the Hippocampal Formation [Электронный ресурс]. URL: http://www.nobelprize.org/nobel_prizes/medicine/laureates/2014/okeefe-lecture.html (дата обращения: 27.06.2015).
18. **Satyarthi K.** Nobel Lecture [Электронный ресурс]. URL: http://www.nobelprize.org/nobel_prizes/peace/laureates/2014/satyarthi-lecture.html (дата обращения: 27.06.2015).
19. **The Nobel Prize Award Ceremony and the Nobel Banquet** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nobelprize.org/ceremonies/archive/history/index.html> (дата обращения: 27.06.2015).
20. **Tirole J.** Prize Lecture: Market Failures and Public Policy [Электронный ресурс]. URL: http://www.nobelprize.org/nobel_prizes/economic-sciences/laureates/2014/tirole-lecture.html (дата обращения: 27.06.2015).
21. **Yamanaka S.** Nobel Lecture: The Winding Road to Pluripotency [Электронный ресурс]. URL: http://www.nobelprize.org/nobel_prizes/medicine/laureates/2012/yamanaka-lecture.html (дата обращения: 27.06.2015).
22. **Yousafzai M.** Nobel Lecture [Электронный ресурс]. URL: http://www.nobelprize.org/nobel_prizes/peace/laureates/2014/yousafzai-lecture.html (дата обращения: 27.06.2015).

RITUAL CHARACTERISTICS OF A NOBEL SPEECH AS A GENRE OF SCIENTIFIC DISCOURSE

Dzhenkova Ekaterina Aleksandrovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Volgograd State Socio-Pedagogical University
ekaterina.dzhenkova@rambler.ru

The article examines Nobel Prize speeches as a genre which combines the characteristics of the scientific and ritual types of discourse. The author identifies and describes discursive elements of a Nobel speech genre (participants, chronotope, goals, values, strategies, precedent texts, discursive formulas). The paper supplements and analyzes pragma-linguistic characteristics of a ritual discourse in relation to a Nobel speech.

Key words and phrases: discourse; socio- and pragma-linguistic classification of the discourse types; scientific discourse; ritual; ritual discourse.

УДК 8; 821.161.1

Филологические науки

Статья посвящена изучению «морской» тематики в лирической поэзии К. Р. (Великого князя Константина Романова), представленной в пейзажных стихотворениях цикла «У берегов». «Маринистические» стихотворения поэта рассматриваются в свете современных концепций художественной циклизации, актуальных для поэзии конца XIX – начала XX века; объектом анализа в работе становится пространственно-временная, идейно-тематическая и образная структуры наиболее значимых стихотворений цикла «У берегов», в которых сюжетообразующим становится образ моря. Литературный контекст исследования образован главным образом лирикой раннего периода творчества К. Р. (1883-1887 гг.), отражающей особенности символического, философского, религиозного воплощения в творчестве поэта концептов «море» и «жизнь».

Ключевые слова и фразы: поэзия; лирический цикл; жанровая форма; стихотворения; морская тема; пейзаж; символ; миф; природные и религиозные образы.

Жаплова Татьяна Михайловна, д. филол. н.
Толкачев Дмитрий Вячеславович
Оренбургский государственный университет
tmzhaplova@mail.ru; dtolkachev@rambler.ru

Скибин Сергей Михайлович, д. филол. н.
Оренбургский государственный педагогический университет
skibin_fil@mail.ru

«МОРСКАЯ» ТЕМАТИКА В ПОЭЗИИ К. Р. ©

В современном литературоведении явление художественной циклизации, предлагающей возможность тематического и образного анализа лирического цикла, рассматривается как относительно поздний поэтический процесс, возникший в русской поэзии в 40-50-х годах XX века. Первые лирические циклы, связанные

с творческой практикой поэтов середины прошлого века, утверждают становление этой формы сверхстихового единства не только как специфического жанрового образования (жанровой потенции), но и обращают на себя внимание в качестве предмета для исследования пространственно-временной, идейно-тематической и образной структуры в творчестве поэтов конца XIX – начала XX века, в том числе в лирических циклах К. Р.

Обладающие различной степенью связанности, поэтические циклы К. Р. содержат в себе хронологически близкие лирические стихотворения, посвященные теме моря, религии, природы, малой родины, любви, войны, смерти. Учитывая существующий опыт исследования циклизации лирики конца XIX – начала XX века и эстетических установок К. Р., мы предположили, что лирические циклы поэта представляют совершенно иное, своеобразное, реалистическое символично-мифологическое пространство, выдерживающее сравнение с некоторыми стихотворениями И. А. Бунина и А. А. Фета и подтверждающее свое «тематическое и стилевое» своеобразие [1, с. 26], реализуемое К. Р. в разные периоды творчества. В данной работе объектом исследования избирается ранний период творчества поэта – 1883-1887 гг., – связанный с интерпретацией «морской» темы, развитием «сквозного» образа моря и присутствием в лирике постоянных концептов «жизнь» – «море», реализованных преимущественно в символическом и религиозном аспекте в стихотворном цикле «У берегов».

Исследуя тематическую и жанровую взаимосвязь лирических стихотворений цикла «У берегов» и обобщая выводы исследователей XX века, мы обратились к трудам Н. Н. Старыгиной, отметившей, что в литературоведческой науке сложилось несколько концепций изучения циклических образований, среди которых наиболее значимы следующие: «Большинство литературоведов (В. Ф. Козьмин, А. С. Бушмин, Г. И. Соболевская) рассматривают цикл как жанр (или «жанровое образование»), С. Е. Шаталов изучает цикл как «наджанровое объединение», другие (А. Белецкий, Б. М. Эйхенбаум) считают, что цикл можно рассматривать как «художественную лабораторию новых тем» [10, с. 68]. Данный подход кажется целесообразным, поскольку в его основе – анализ цикла как единой структуры, состоящей из самостоятельных лирических образований, содержание каждого из которых «работает» на общую идею, что применимо и для «морского» цикла «У берегов».

В работе по проблемам лирической циклизации как жанра «Поэтика лирического цикла» И. В. Фоменко дает следующее определение цикла: «Цикл в терминологическом значении является жанровым образованием, созданный автором ансамбль нескольких стихотворений, главным признаком которого являются особые отношения между стихотворением и контекстом, позволяющие воплотить систему авторских взглядов» [11, с. 42]. В таком значении понятие было введено в научный обиход при изучении лирических циклов рубежа XIX – начала XX века, со временем конкретизируясь при рассмотрении циклических образований, сформировавшихся в русской прозе и поэзии (прозаические циклы И. А. Бунина, лирические циклы А. А. Фета, С. А. Есенина, В. В. Маяковского) [4, с. 94]. Гораздо масштабнее особенности развития лирических циклов представляет М. М. Гин, отмечая, что важным признаком лирического цикла является «обзорность композиции», при которой «организующим центром является не фабульный стержень конкретных текстов, выстроенных хронологически, а их проблематика, угол зрения, в соответствии с которым отбирается материал» [2, с. 272]. При данном бесфабульном типе связи материала возрастает «композиционная роль образа автора», что характерно для поэзии К. Р., отличающейся символической и мифологической циклизацией, как правило, обозначенной тематически в заглавии цикла.

Из лирических стихотворений, написанных К. Р. в 1883 году, пять входят в самый известный элегический цикл «Мечты и думы» (среди них выделяют: «Я баловень судьбы», «Уж гасли в комнатах огни», «Взошла луна», «Разлука» и «Я засыпаю»), два – в имеющий религиозную проблематику цикл «Библейские песни» («Сфинкс», «Из Апокалипсиса»), одно – в цикл, посвященный друзьям и знакомым: «Послания и стихотворения на разные случаи» («Дверь распахнулась»), одно – в природный цикл «Письма про алые цветы» («Опять те алые цветы») и два – в «маринистический» цикл «У берегов» («Вы помните ль?», «Умолкли рыдания бури кипучей»), принадлежащий к импрессионному («вариационному») типу циклического образования, содержащего интерпретации «морской» темы, сюжетообразующей в ранней лирике К. Р.

Отмечая философскую специфику циклической дифференциации, В. А. Сапогов подмечал, что в одном цикле «несколько лирических стихотворений объединены в единую структуру при помощи различных конструктивных приемов, главным из которых является единая сквозная тема или единая авторская эмоция» [9, с. 26]. Он усложняет понятие цикла, высказав мысль о том, что «лирический цикл складывается как жанровая форма и структурное образование в результате влияния прозы на стих» [Там же, с. 30]. Специфика этой формы состоит в том, что судьбу в цикле имеет не только лирический субъект, но и окружающий мир, «полнозначный» в любой из форм выражения (лаконичной, детализированной, эстетизированной, мифологизированной).

Тематический принцип циклизации рассматривается как традиционный в поэзии рубежа веков, поскольку именно он подчеркивает романтическую концепцию бытия, сложившуюся в 1880-1890-х годах, определившую дискретность формы художественных произведений, реализацией которой явилось стихотворное единство. Представляя собой дискретную вариацию на «морскую» тему, цикл К. Р. «У берегов», включающий 12 из 16 стихотворений, связанных с «непокорной стихией» морской воды, содержит произведения, хронологически выстроенные поэтом и объединенные мотивом перехода от быта к бытию, то есть от «морского» (земного) к «небесному» (высшему) миру. Композиционно объединяются поэтом в данном цикле следующие тексты: «Задремали волны», «Прощание с Неаполем», «Затишье», «Вы помните ль?», «Умолкли рыдания бури кипучей», «Затишье на море», «Озеро светлое», «У озера», «У моря в Антивари», помимо тематического своеобразия отличающиеся тональностью и особенностью интонирования; два диптиха («На Иматре», «У моря в Генуе») и триптих «У Балтийского моря», центральным образом-символом которых становится бескрайнее море «земного бытия» («Серебрится море, трепетно горит», «Голубые покоились волны», «Ревет и клокочет стремнина седая») и горизонт надежды «высшего мира» («Просветлеют небесные дали, и рассеются сердца печали...») [7, с. 64].

В качестве лейтмотива через все лирические тексты цикла «У берегов» проходит сравнение водной стихии с человеческой душой: прием этот берет начало еще в раннем стихотворении К. Р. «Задремали волны» (1879), в котором поэт описывает, как лунный свет озаряет море именно в то время, когда лирический герой вспоминает редкие минуты радости, скрашивающие его жизнь. Подобным настроением проникнута пейзажная зарисовка и в стихотворении «Прощание с Неаполем», построенном на воспоминании о щедром южном солнце и ласковом море, способном мгновенно преобразиться в бурю. Стихотворения близки композиционно и тематически, основаны на сопоставлении картин бурной стихии и «застывших вод» («Серебрится море, трепетно горит, так и радость горе ярко озарит...» [Там же, с. 62]), отразившихся в воспоминаниях о пребывании лирического героя в Неаполе («Мы на далекий север уплывали...»), запомнившимся ему как «золотое время», безвозвратно ушедшее в прошлое, как и звуки песни прекрасной незнакомки-южанки («И доносился чей-то голос нежный: “O bella Napoli! O suoi beato!”» [Там же, с. 56]).

В пейзажных стихотворениях «Затишье» и «Затишье на море...» поэт тревожно, «с замиранием сердца» воспринимает морской штиль, связывая его с порой «уныния» и «дремоты косной», в основной части цикла рисуя идиллическую картину спокойного пруда («Вы помните ль?»), гладь озера («Озеро светлое», «У озера»), безбрежную равнину Черного, Балтийского, Средиземного морей («Умолкли рыдания бури кипучей», «У Балтийского моря», «У моря в Генуе», «У моря в Антивари»). Становящиеся в его восприятии символическими вехами жизненного пути, они для лирического героя К. Р. уравнивают значимость «негодующего», мятежного пейзажа («Рвутся и мечутся волны из камня гнетущих оков») и человеческого бурного скитания по «волнам» бытия, приводящего порой к сражению с «неправдой и злом» во имя «прекрасной цели» [5, с. 114].

В Толковом словаре живого великорусского языка В. И. Даля слово «берег» означает «взаимные пределы земли и воды; смежный с водою край, полоса земли, суши» [3, с. 92]. В цикле К. Р. берег является границей, отделяющей земной мир с его горестями от «небесного» мира, в котором возможна, но не гарантирована победа над страданием («В битве жизни не так ли и ты, человек, терпишь зол и гонений мятежный набег?»). К. Р. предлагает ряд реминисценций к программному стихотворению А. С. Пушкина «К морю», среди «ключевых» эпизодов которого для него наибольший интерес представляют строки: «Ты ждал, ты звал, я был окован, вотще рвалась душа моя: могучей страстью очарован у берегов остался я...» [8, с. 273]. В основу «южного» стихотворения Пушкина положены автобиографические воспоминания о романтическом побеге, который замыслил молодой поэт («Моей души предел желанный, как часто по брегам твоим бродил я тихий и туманный, заветным умыслом томим...» [Там же, с. 274]).

Предлагая свой вариант развития «морской» темы, К. Р., по сравнению с Пушкиным, переносит акценты с поэтизации тяжкого жребия вынужденного изгнанника на закрепощенность внутреннюю, свойственную его современнику, преодолеть которую невозможно под гнетом обыденности – «земного бремени». Вполне закономерным приемом в последующих стихотворениях цикла воспринимается возникновение контрастного, по сравнению с морем, образа неба (солнца, луны): «неба своды» («Затишье на море»), «свод неба» («Задремали волны»), «небесные дали» («У Балтийского моря»), «глубина небес» («У озера»), «солнце лучистое» («Озеро светлое...»), «луна из-за тучи» («Умолкли рыдания бури кипучей»), воплощающего идеальный для лирического героя мир. В стихотворении «У моря в Генуе» по воле автора море и небо все же сливаются воедино, в то время как лирический герой пока лишь мечтает, чтобы душа его, словно птица, расправила крылья и утонула в «голубой дали» [5, с. 116].

Для каждой группы стихотворений цикла «У берегов» К. Р. избирает особый ракурс изображения и свою, специфическую, символику. Так, в диптихе «На Иматре» лирический герой заморожен картиной бурной пучины. Наличие соответствующих тематике стихотворения лексических скреп («пучина», «влага мятежная», «не свесть очарованных глаз», «клокочет стремнина», «дробит», «вековечный», «неистовый хохот») позволяет рассматривать его как типичный пример так называемого «обычного» цикла. В первом стихотворении дается пейзаж, чью значимость подчеркивает словосочетание «вековечная борьба», во втором тексте описания сопровождаются рассуждениями, широкими обобщениями и конкретной топонимикой, на что указывают уже названия произведений («На Иматре», «У Балтийского моря», «У моря в Генуе»).

Иной настрой лирического героя отражается в триптихе «У Балтийского моря», пейзажные картины в котором наглядно воссоздают величественную ширь и мощь Балтийского моря, замеченного в трех состояниях: спокойное море «вчерашним вечером», бурные волны «сегодня», предполагаемое затишье «завтра». В третьем стихотворении, объектом изображения в котором становится штиль на море, автор риторически спрашивает, надолго ли это затишье, закономерно заключая свои размышления сценой внезапно наступившей грозы («Но не вечны страданья и беды, ты дождешься над ними победы» [7, с. 52]), напоминающей о непостоянстве природы и зыбком спокойствии в жизни человека. Стихотворение является закономерным завершением триптиха, воспринимаясь своеобразной антитезой предыдущему, в котором лирический герой размышляет о природе возникновения человеческих радостей и печалей, прихотливых, как и бушующее море («А сегодня косматой грядю валы, в грозном беге крутятся у прибрежной скалы...» [Там же, с. 47]), вдруг смиряющее бурный нрав.

В первом тексте цикла «У берегов» внимание лирического героя приковано к деталям панорамного пейзажа, открывающего виды редющего леса на побережье, «пустынную песчаную грань», «даль моря» и «глубь небесную». Реалистическая детализация получает закономерное продолжение в развернутых сравнениях, центральными образами которых становятся море, небо и прибрежная скала, преобразенные различными сезонными (циклическими) изменениями в природе, проецирующиеся на различные этапы жизненного пути лирического героя. К. Р. в стихотворении не только рисует пейзаж в момент восприятия, но и соотносит его с ранее увиденным (воспроизводятся ощущения лирического героя, увлеченного разными этапами жизни, регулируемой циклами

календарного и суточного времени). В основном проявляется стремление автора связать частные временные характеристики с ритмом «вселенского времени», определяющего «участь лирического героя» [4, с. 110].

Цельность и законченность «маринистическому» триптиху «У Балтийского моря» придает образ чайки, «расправившей крылья» и «утонувшей в дали», в качестве «сквозного» проходящий через все стихотворения. В открывающем триптих стихотворении птица тонет «в лазурном просторе», в последнем, подобная «мгновенному горю», «спорит с грозой». Наблюдающий за «необъятной ширью» моря лирический герой К. Р., чувствуя, что ему «сладостно и больно», вновь убеждается в том, что человеческая речь не всегда способна передать охватившие его чувства: «О, слово немощное наше, как бедно ты. И тем бедней, чем Божий мир пред нами краше». Во втором стихотворении цикла о море скупое упоминается в строке: «Нет, море, ты – невыразимо», в которой поэт задается вопросом, почему «пред несказанной красотой» морской глади он тоскует «в томлении бессилья» («Хотелось бы расправить крылья и утонуть в лазури той» [7, с. 45]).

Так К. Р. подводит лирического героя к единственно возможному для него выводу, раскрывающему символически как первого стихотворения, так и последующих: чтобы «слиться с далью голубую», нужно стряхнуть «жизни бремя» [5, с. 120], то есть отрешиться от обыденности и рутины бытия современного человека.

«Судьба» лирического героя «морского» цикла «У берегов» воссоздана как индивидуализированная, частная и потому непредсказуемая, слишком зависимая от «бурь» и «штормов» окружающего мира. «Судьба» мира предстает как судьба всеобщая, универсальная, существующая по своим собственным значимым и объективным законам. На сопоставлении частного и общего, подвижного и устойчивого, субъективного и объективного возникает художественная образность лирического цикла К. Р. «У берегов», определяется его синкретическая жанровая и тематическая природа, в первую очередь, соотносимая с религиозными образами в лирическом творчестве его предшественников. Можно обнаружить, что многие стихотворения А. Н. Апухтина и А. А. Голенищева-Кутузова, в которых выражаются тоска и распад человеческого сознания («Мой умер дух, хоть плоть еще жива. Я вижу свет, мне вняты жизни звуки; но мысль молчит недвижна и мертва, и в сердце нет ни радости, ни муки»), перекликаются с циклом К. Р. не только тематически, но и стилистически.

Так, рецензенты первого стихотворного сборника И. А. Бунина «Стихотворения 1887-1891», вышедшего в 1891 году, пишут о грустном впечатлении, которое «производят унылые песни в устах молодого поколения», и заключают, что «в тяжелую годину, когда благо родной страны требует работников, обязанность поэтов – призывать всех к плодотворной работе, а не сеять в сердцах уныние» [4, с. 98]. Кроме того, лирика современников поэта – К. К. Случевского («Зимний пейзаж»), К. М. Фофанова («После грозы»), Д. Н. Цертелёва («Море широкое, даль бесконечная...») и др. – изобилует значительным количеством медитативных стихотворений. Параллелизм в изображении явлений внешнего мира и человеческой души, оставаясь частным приемом, со временем приводит лирического героя так называемых «поэтов безвременья» к провозглашению прямых деклараций о преждевременной старости души современного человека, испытывающего на себе общественные, социальные, культурные потрясения.

Для цикла «У берегов» подобные настроения также характерны, возникая с завидным постоянством, свидетельствуют о тотальном пессимизме лирического героя, опустошенная душа которого не обретает ни покоя, ни гармонии: «И душа, забывая стремленья, ничего не ждала впереди» («Затишье»), «Круг впечатлений, чувств так узок и так тесен, в душе холодная такая пустота...» («Затишье на море... За бурю строптивой...»). Объяснить царящие настроения только гнетущей политической обстановкой безвременья было сложно, поскольку личность постепенно освобождалась от стереотипов среды, утрачивая веру в онтологические принципы бытия, что вело ее к катастрофичности мировосприятия.

Не замыкаясь на этой катастрофичности, К. Р. обнаруживает способность увидеть в сиюминутном вечное, в многообразии выразительных деталей-подробностей и «сквозных» образов-символов в стихотворениях цикла «У берегов» передать свое восхищение величественной красотой окружающего мира, открывающейся перед ним в локальных, частных картинах. Конкретика эта не предполагает описательности и бытописания, она носит, скорее, точечный, детализированный характер, когда лирический герой прямо обозначает, откуда он наблюдает за морской стихией (из оврага, с берега, с корабля, из окна). Положение в пространстве и душевное состояние субъекта входят как необходимые компоненты в его пейзажную лирику, замкнутую в основном на переживаниях лирического героя, с которым в редких случаях соседствуют животные, птицы, оживляющие морской или прибрежный пейзаж. Так происходит в «Легенде про Мертвое море», представляющей очередную стилизацию фрагментов ветхозаветного текста: «В ужасе зверь убегает; пугливо небесные птицы с криком спешат улечь из проклятого места». К. Р. воссоздает ситуацию, в которой тревожное настроение лирического героя передается «птицам», «змеям» и прочим «зверям», по воле автора являющимся образами-эмблемами верхнего (небесного), среднего (земного) и подземного мира.

В основу стихотворения «Легенда про Мертвое море» положен отрывок из книги «Бытие»: «И пролил Господь на Содом и Гоморру дождем серу и огонь от Господа с неба, И ниспроверг города сии, и всю окрестность сию, и всех жителей городов сие, и все произрастения земли». Большую часть своего произведения К. Р. отводит описанию Мертвого моря, на месте которого некогда стояли города «нечестивых». В творческой интерпретации К. Р. переложение становится поэтичнее, повествование о Господней каре смягчается. По сравнению с «каноническим» текстом в этом стихотворении присутствуют фактические «ошибки». Сложно поверить, что Константин Романов, будучи опытным путешественником, почетным членом Императорского Географического общества и просто одним из самых образованных людей своей эпохи, не знал, что птицы свободно перелетают через Мертвое море, а не «спешат улечь от проклятого места» «с жалобным криком», что область впадения реки Иордан в море называется устьем, но никак не «истоком», что, наконец, слухи о развалинах, видимых на дне, лишены всякого основания. Поэта интересует творческое преломление образа моря в древней легенде.

Уверенный, что Бог является воплощением «превечного долготерпенья» («Легенда про Мертвое море») и «всепрощенья» («О, если б совесть уберечь...») и что его «милость и любовь» не имеют границ («Когда креста нести нет мочи...»), К. Р. развивает мысль о том, что творец дает человеку «сердце, разум и силу, чтобы успешно бороться» с невзгодами: благодаря бесконечной любви снимается боль разобщенности, сглаживаются противоречия между Богом и людьми. Характерно, что в цикле «У берегов» переживание лирическим героем «душевного страха» по определению связано с выражением «страха Божиего» («забываю страх Божий и падаю»), сознательно снижаемого в трактовке К. Р. ужаса перед карающим Господом до благоговейного чувства перед Богом, обязывающего человека стремиться к тому, чтобы не оскорблять ближнего дурным помыслом и поступком, даруя себе покой и жизнерадостность.

Одним из критериев, определяющих ценность этого мировоззрения, для Константина Романова являлась завидная бодрость духа писателя или поэта. В отзыве о сочинениях С. Д. Дрожжина К. Р. пишет: «Жизнерадостное настроение в авторе, о бесчисленных невзгодах которого мы знаем, производит отрадное и светлое впечатление. Наш автор, отдаваясь поэзии, умеет забывать горести и возвышаться над прахом земным» [6, с. 170]. По поводу стихотворений Вл. Жуковского К. Р. замечал: «Отраднo встретить в произведениях г. Жуковского трезвое и здоровое мирозерцание, полное жизнерадостности и чуждое напускной тоски, беспричинного нытья и мрачного ломанья, к которым так склонны некоторые современные писатели и стихотворцы» [Там же, с. 185]. Кроме того, главным преимуществом поэзии Поликсены Соловьевой К. Р. называет именно то, что в мрачной обстановке она умеет находить отрадные и примиряющие оттенки.

В конце XIX века в русской поэзии набирает силу такой лиро-эпический жанр, как психологическая стихотворная новелла. «Диалектика души» в прозе подготовила почву для создания сложного, психологически обусловленного образа человека в лаконичных границах поэтического текста. Чаще других к ней обращается А. Н. Апухтин («Перед операцией», «С курьерским поездом», «Из бумаг прокурора»). Основная тема его стихотворений – история человеческой души, подверженной неизлечимым болезням века. Поэтическая речь в этих произведениях передает бессвязный поток мыслей и чувств героя, озвученных иногда нарочито буднично, прозаично.

Тихую водную гладь, колебание воздушных струй, «дрожанье вод блестящих», «воздушную лазурную пелену», «белеющий пар», одушевленную атмосферу, текучие, зыбкие, переходные состояния природы ввел в русскую поэзию еще В. А. Жуковский. К. Р. предлагает свое видение пейзажных образов, в основе которых – изменчивый облик морской стихии, отраженной на реалиях прибрежной полосы: «Серебрится море, трепетно горит» или «изумрудные капли на листьях дрожат» [7, с. 52]. В критической статье, посвященной анализу книги В. Шуфа «В край иной», Константин Романов устанавливает внешнюю, видимую тематическую связь между стихотворениями цикла: «обусловленная тем, что они вызваны путевыми впечатлениями и передают мысли и образы, навеянные плаванием по Черному и Средиземному морям... Внутренней связи в этих сонетах не заметно» [6, с. 175].

Аналогично развивается лирический сюжет в стихотворении «У моря в Генуе». Категоричность сопоставления в нем морской дали и глубин человеческой души смягчается с помощью сослагательного наклонения («О, если б можно было ей умчаться птицею морскою от скал прибрежных и камней и слиться с далью голубою, стряхнув и прах, и тлен земли, и жизни бремя без усилия, она расправила бы крылья и утонула в той дали» [7, с. 42]). Ощутимое ритмико-мелодическое воздействие на читателя достигается с помощью лексических повторов («Падай, падай, снег пушистый, расстилайся пеленой, падай легкий, падай чистый...») [Там же, с. 48]). Иногда стих разбивается на два афористических, ритмически одинаковых полустишия: «Озеро светлое, озеро чистое». Для создания эффекта кольцевой композиции используются рефрены и синтаксический параллелизм (например, в стихотворении «Помнишь, порою ночью...»).

При выборе размера стихотворений К. Р. соотносит его ритмический рисунок с семантикой, как, например, в текстах из цикла «Венеция», посвященных воспоминаниям поэта о путешествии в Венецию, основанных на развитии типично романтических, на первый взгляд, образов: ночь, луна, сонные волны моря, влюбленная пара, плывущая в гондоле, звуки гитары. Первое стихотворение передает ощущения гребца-гондольера, воспевающей возлюбленную, второе основывается на переживаниях лирического героя, очарованного красотой экзотической природы. Первое стихотворение написано в ритме баркаролы – народной венецианской песни, передающей своеобразное движение мелодии, воспроизводящей плеск волн («Плыви, моя гондола, озарена луной, раздайся баркарола над сонною волной. Настроена гитара: о, друг, я в честь твою всего земного шара все песни пропою» [Там же, с. 54]). Для второго стихотворения выбрана форма трехстопного дактиля, традиционная для русской поэзии XIX века («Искрились волны лагуны, где-то в дали голубой плакали нежные струны, пел гондольер молодой» [Там же, с. 60]).

Таким образом, в цикле К. Р. «У берегов» стихотворения скомпонованы в соответствии с хронологией создания составляющих их текстов. Они объединены общей темой моря, и отдельные стихотворения представляют различные инварианты «сквозной» для творчества поэта темы. В структурировании произведений в рамках цикла можно проследить определенные закономерности, главным образом связанные с развитием «морской» тематики от предельно обобщенных образов-символов до конкретных деталей-подробностей, характерных для бытового жанрового пейзажа. Помимо этого, спаянность текстов достигается с помощью многочисленных лексических скреп, приемов поэтического синтаксиса и ритмики. Морская атрибутика, сопутствующая большинству пейзажных зарисовок цикла, предстает в изображении К. Р. вечной и нетленной. Кольцевая композиция, являющаяся одним из важных структурообразующих признаков цикла, в данном случае символизирует круговорот в смене природных процессов, вечный и естественный ритм жизни морской стихии и метаний человеческой души, границ для которой не существует.

Список литературы

1. Атаманова Е. Т. Новозаветные реминисценции в поэтическом творчестве И. А. Бунина 1910-х годов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 7. Ч. 2. С. 25-27.
2. Гин М. М. Литература и время: исследования и статьи. Петрозаводск: Карелия, 1969. 275 с.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. М., 1955. Т. 1. 699 с.
4. Жаплова Т. М. Символизация, метафоризация в усадебной лирике Ивана Бунина и К. Р. // Вестник ОГУ. 2004. № 11 (36). С. 90-115.
5. Завьялова Е. Е. Эстетические взгляды К. Р. // Вестник ОГУ. Оренбург, 2004. № 4 (29). С. 110-125.
6. К. Р. Отзыв о сочинениях С. Д. Дрожжина // Сборник отчетов о премиях и наградах, присуждаемых Императорской Академией наук за 1910 год. Пб., 1915. Т. V. С. 167-195.
7. К. Р. Стихотворения (1879-1885). СПб., 1886. 126 с.
8. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 10-ти т. Л., 1977. Т. 6. 455 с.
9. Сапогов В. А. О некоторых структурных особенностях лирического цикла // Язык и стиль художественного произведения. М., 1966. С. 10-35.
10. Старыгина Н. Н. Циклизация в русской литературе XIX в. // Модификация художественных форм в историко-литературном процессе. Свердловск, 1988. С. 59-72.
11. Фоменко И. В. Поэтика лирического цикла: автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 1990. 54 с.

“MARINE” THEMES IN KONSTANTIN ROMANOV’S POETRY

Zhaplova Tat'yana Mikhailovna, Doctor in Philology
Tolkachev Dmitrii Vyacheslavovich
Orenburg State University
tmzhaplova@mail.ru; dtolkachev@rambler.ru

Skibin Sergei Mikhailovich
Orenburg State Pedagogical University
skibin_fil@mail.ru

The article is devoted to studying the “marine” themes in K. R.’s (Grand Duke Konstantin Romanov) lyrical poetry represented in the landscape poems of the “Along the Shore” cycle. “Marine” poems of the poet are examined in the light of the modern conceptions of artistic cyclization, relevant for the poetry of the end of the XIX – beginning of the XX century; the paper analyzes the spatio-temporal, ideological-thematic and imaginative structures of the “Along the Shore” cycle’s most valuable poems in which the image of sea becomes the story-formative. Literary context of the research is formed basically by Konstantin Romanov’s early lyrics (1883-1887) representing the peculiarities of symbolic, philosophical, religious implementation of the concepts “sea” and “life” in the poet’s creative work.

Key words and phrases: poetry; lyrical cycle; genre form; poems; marine theme; landscape; symbol; myth; natural and religious images.

УДК 372.881.111.1

Педагогические науки

Статья посвящена выявлению положительных сторон обучения устному общению с использованием средств видеосвязи и эффективности применения дистанционных видов работ в практическом курсе иностранного языка. Авторы отмечают, что учебная внеаудиторная речевая деятельность студентов, осуществляемая с помощью компьютерных видеотехнологий и сети Интернет, приводит к фасилитации в учебном процессе и усиливает мотивационный фон учебной деятельности.

Ключевые слова и фразы: видеосвязь; диалог; дистанционное обучение; иностранный язык; устное общение; Skype.

Заева Леонида Кузьминична, к. пед. н., доцент

Морозова Елена Сергеевна

Российский университет дружбы народов

Morozovae-s@mail.ru

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СРЕДСТВ ВИДЕОСВЯЗИ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ
УСТНОМУ РЕЧЕВОМУ ОБЩЕНИЮ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ[©]**

Определяющей чертой современного образования является внедрение в учебный процесс компьютерных технологий. Данный факт приводит не только к использованию технических средств на занятиях, но и способствует формированию новых форм и подходов в обучении в целом. Применение информационных компьютерных технологий в обучении иностранному языку предоставляет возможность расширить границы образовательного процесса, смещая акцент в сторону самостоятельной практической деятельности ученика.